

О. С. СУХИХ

*(Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Осоргин М. А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

ТРАДИЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНАХ М. ОСОРГИНА «СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ» И «КНИГА О КОНЦАХ»

Аннотация. Рассматривается философско-этическая проблематика романов М. Осоргина «Свидетель истории» и «Книга о концах» с точки зрения воплощения традиций Ф. М. Достоевского. Целью исследования становится выявление в произведениях М. Осоргина существенных мотивов романов «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» (в частности, «Легенды о великом инквизиторе»). Доказывается, что М. Осоргин вслед за Ф. М. Достоевским художественно воплощает в действиях своих героев принцип утилитарной этики, порождающий противоречие между гуманной целью и антигуманными средствами. Анализируются ницшеанские убеждения главной героини романов М. Осоргина. Отмечается роль рационалистической теории в мотивировках действий героев обоих писателей. Рассматривается авторская позиция в романах Ф. М. Достоевского и М. Осоргина по отношению к взглядам героев. Делается вывод, что М. Осоргин в своих этических выводах из трагических страниц истории следует за Достоевским: оба признают «идейное» преступление нарушением морального закона, но при этом акцентируют внимание на благородных мотивировках действий героев, преступающих этическую границу, а также на их высоких моральных качествах. В итоге авторская оценка подобных персонажей и у Достоевского, и у Осоргина двойственна.

Ключевые слова: утилитарная этика, русская литература, литературные традиции, литературные герои, литературные мотивы, анализ литературного произведения.

Творчество Михаила Андреевича Осоргина (Ильина) в конце XX – начале XXI вв. привлекало внимание многих исследователей [Комина, Ласунский 1994; Урвиллов 2010; Авдеева 2005; Боравская 2007; Бронская 2001; Лапаева 1996; Лапаева 1998; Лифанова 2001]. Он испытывал величайший интерес к поворотам российской истории начала XX века и сам принимал участие в революционных событиях 1905 г. Поэтому закономерно его стремление осмыслить исторические закономерности в форме художественных образов, в частности, в романной диалогии «Свидетель истории» (1932) и «Книга о концах» (1935). И, конечно же, не случайно проявление интертекстуальных связей с творчеством Ф. М. Достоевского – писателя, который отразил тенденции мировой истории в символически-обобщённых образах таких ге-

роев, как Раскольников, Верховенские, великий инквизитор.

Исследователи ведут речь о традициях Ф. М. Достоевского в прозе М. Осоргина в таких аспектах, как изображение «маленького человека» [Лобанова 2008], воплощение почвеннических взглядов, образ игрока [Мужайлова], взаимоотношения идеолога и воспреемника идеологии (Иван Карамазов и Смердяков в «Братьях Карамазовых») Ф. М. Достоевского – Астафьев и Завалишин в «Сивцевом Вражке») М. Осоргина) [Фрадкина 1994]. Нам же хотелось бы обратить внимание на трактовку М. Осоргиным психологии «идейного» преступления, в осмыслении которой писатель просто не мог «обойти» «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых», а с ними и «Легенду о великом инквизиторе».

Ф. М. Достоевский в своих романах раскрывает парадоксальную ситуацию, когда человек порядочный и благородный нарушает нравственный закон из высших побуждений, христианское сострадание становится первотолчком для совершения антихристианского поступка. В «Преступлении и наказании» и в «Легенде о великом инквизиторе» главные герои испытывают сочувствие к ближним, жизнь которых не устроена и полна страданий, но в то же время исходят из нищенского представления об этих же ближних как о «слабом, вечно порочном и вечно неблагородном людском племени» [Достоевский 1976, т. 14: 231], не способном самостоятельно изменить жизнь к лучшему. Из этого противоречивого взгляда на ближних – *нищенского восприятия сущности человека и христианского сострадания к нему* – проистекает тот способ действий, который избирают герои Достоевского. Раскольников оправдывает преступление, если оно поможет «сказать новое слово миру» и устранить социальную несправедливость; великий инквизитор использует обман и насилие для поддержания порядка, при котором большинство людей живут как «счастливые младенцы». В системе ценностей этих героев торжествует принцип «цель оправдывает средства». В этом их историческими преемниками становятся герои романов М. Осоргина «Свидетель истории» и «Книга о концах».

Писатель изображает в этих произведениях сторонников революционного террора. Главная героиня Наташа Калымова имеет реальный прототип – это Наталья Сергеевна Климова; остальные же герои, как следует из авторского предисловия, вымышлены, «писаны смешанными красками» [Осоргин. «Свидетель истории»], однако все они представляют того же социально-психологического типа, что и главный персонаж, – типа, хорошо знакомого писателю, который одно время был членом партии эсеров. Сами герои в тексте отделяют себя от эсе-

ров, хотя временно и сотрудничают с ними, а в реальности Н. С. Климова состояла в партии эсеров-максималистов, была членом боевой организации, участницей покушения на Столыпина в 1906 г. Так или иначе, политический террор ассоциируется, прежде всего, с эсеровской программой, хотя формально герои М. Осоргина – это просто некая боевая группа, принадлежность их к какой-либо политической партии не декларирована.

Перед читателем разворачивается картина жизни людей, которые сознательно жертвуют собой ради борьбы за общее дело. Девушка Фаня «привозит из Финляндии мелинит и динамит, дышит им целую ночь, отравляет себя» [Осоргин. «Свидетель истории»], к тому же рискует свободой, чтобы служить великой цели – освобождению народа. Алексей, по прозвищу Олень, переступает через себя, когда приходится расправляться с агентами полиции, тяжело переживает осознание того, что обречён в конечном итоге отдать и собственную жизнь, чтобы приблизить час всеобщей свободы. Сеня и Пертрус становятся исполнителями террористического акта против Столыпина, зная, что сами при этом погибнут, но надеясь, что после их поступка сознание народа пробудится, изменится страна, поэтому они идут «помирать за свободу и за весь русский народ», «убивать и умирать во славу миража — счастья будущих поколений» [Осоргин. «Свидетель истории»]. При этом они мыслят в самых масштабных категориях, таких как народ, история, мировые законы. У Достоевского Раскольников мечтает «сказать новое слово» миру [Достоевский 1973: 200], а великий инквизитор анализирует тенденции жизни человечества и выстраивает систему, которую противопоставляет – ни много ни мало – христианской концепции мира; диалог Ивана Карамазова и Алёши – «беседа двух “русских мальчиков” об основах и целях мироздания» [Гроссман]. Так же и герои романов М. Осоргина стремятся изменить историю, определить новый путь России в целом. Мысля такими масштабными категориями, эти люди считают частности бесперспективными. Раскольников полагает, что Сонечка понапрасну жертвует собой ради спасения нескольких человек на какое-то время. Он сам осуждает себя за гуманный порыв – за то, что тратит деньги на помощь незнакомой девочке-подростку, ведь это не изменит ни её жизни, ни законов общества. А в романе М. Осоргина «Свидетель истории» Олень после «экспроприации» задумывается о том, что можно было бы часть захваченных денег отдать бедной семье, которая предоставляет ему приют, но приходит к выводу, что это не только неправильно, но даже стыдно: «Подумал — и понял, что это — стыдная мысль. Дать денег им, потом другим — ходить по домам, как благотворительная дама» [Осоргин. «Свидетель

истории)], — ведь эти деньги предназначены для масштабного дела.

Вслед за Достоевским Осоргин показывает, как человек, безгранично доверяющий лишь собственному разуму, который Иван Карамазов назвал «эвклидовским», пытается переделать мир «по новому штату». И Раскольников, и великий инквизитор, и боевики, изображённые М. Осоргиным, исходят из того, что жизнь общества изначально организована неправильно и что это можно исправить путём рационального расчёта: изменить организацию общества, власти и т.п. И если для этого понадобится пролить чью-то кровь, то это «кровь по совести». Не случайно и Раскольников, и великий инквизитор (в отличие, например, от «мошенника» Петруши Верховенского) представлены Ф. М. Достоевским как фигуры трагические. Это во многом определяется тем, что художественный «нерв» и того, и другого образа – это *живое противоречие между любовью к ближнему и вынужденной жестокостью*. Вынужденной – потому что иначе героям не представляется возможным преодолеть вековые страдания человечества. При этом в романах Достоевского убедительно показаны эти страдания «маленьких людей»: в «Преступлении и наказании» это история Мармеладовых, а также обозначенные яркими «штрихами» судьбы эпизодических персонажей, в монологе великого инквизитора очень эмоционально и красноречиво обрисованы беды человечества. А вот в романах М. Осоргина этот аспект практически не затронут. Априори декларируется, что революционеры стремятся облегчить положение простого человека, однако в повествование не введён ни один эпизод, показывающий какое-либо яркое проявление социальной несправедливости в отношении крестьян или рабочих. Не удивительно, что в финале романа «Свидетель истории» Наташа с удивлением констатирует, что боролась за народ, жизни которого, по сути, и не знала. М. Осоргин подчёркивает умозрительность, схоластичность мировоззрения своих героев, которые *исходят больше из собственного теоретизирования, чем из закономерностей жизни*: «учились по книжке, питали в себе любовь и ненависть по указанному трафарету, гибли по программе» [Осоргин. «Свидетель истории»]. Подчиняясь рациональной теории, эти люди действительно гибли сами и губили других ради блага общества, как они его понимали.

Герои Осоргина, как и Достоевского, — адепты утилитарной морали, согласно которой нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей [Бентам 2012]. Если Раскольников полагает, что жизнь процентницы — приемлемая цена за будущее благо человечества, а великий инквизитор жертвует христианскими принципами ради «младенчески наивного счастья» миллионов, то герои М.

Осоргина оправдывают не только целенаправленный политический террор, но и случайные жертвы. Готовя взрыв в Госсобрании, Олень останавливает взгляд на известном профессоре-либерале и думает: «Этот напрасно погибнет — но что же делать!» [Осоргин. «Свидетель истории»]. Наташа ещё более спокойно относится к жертвам и считает, что те, кто жертвует собой, имеют право жертвовать и другими. Лишь однажды она утрачивает хладнокровие и испытывает чувство вины перед безвинной жертвой — когда думает о пострадавшей во время неудачного террористического акта дочери Столыпина, которую тоже зовут Наташей. Совпадение имён провоцирует психологический механизм «идентификации»: Наташа Калымова чувствует чужое страдание, как бы проецирует его на себя.

У Достоевского Раскольников не может пережить убийство процентщицы, а великий инквизитор страдает от необходимости постоянно лгать людям. В романах этого писателя утилитарная мораль неразрывно связана с муками совести, так как исповедуют её герои, которые исходят из гуманных побуждений, диктуемых изначально христианским чувством — желанием устроить судьбы ближних, человечества в целом. В романе М. Осоргина «Свидетель истории» внешне хладнокровный Олень говорит о том, что «убивать непросто», и когда ему приходится после сходки убить полицейских агентов, то он не хочет, чтобы Наташа в этом участвовала, ведь это слишком тяжело даже для него самого, эти минуты становятся самыми страшными в его жизни: «Революционеры умеют бросать бомбы и умирать на баррикадах; но расстреливать взятых в плен они не умеют. Одно — нападение, другое — казнь. Быть палачом, убить связанного — на это сил не хватает» [Осоргин. «Свидетель истории»]. В романе «Книга о концах» участник боевой группы Бодрясин говорит о том, как «противно» убивать, и хотя он с рациональной точки зрения мотивирует необходимость террора, но «в тоне его речи и в его кривой улыбке чувствуются печаль и горечь» [Осоргин. «Книга о концах»], и он одобрительно относится к тому, что Наташа хочет ещё подумать, перед тем как принять решение о своём участии в деятельности террористов, он, возможно, надеется, что она откажется. Эти герои сходны с персонажами Достоевского в мучительном ощущении внутреннего конфликта между идеей и натурой, но такое противоречие совсем не свойственно главной героине М. Осоргина Наташе Калымовой. Характерно, что мужчины, её товарищи по борьбе, пытаются хотя бы в какой-то мере оградить её от тех переживаний, которые испытывают сами: они считают, что женщина, по природе более чувствительное создание, тем более должна страдать в такой ситуации. Не случайно Олень прогоняет её, когда готовится за-

стрелить полицейских агентов, а в словах Бодрясина, одобряющего Наташино намерение «подумать», звучит тайная надежда на её отказ от террора. Однако, как это ни удивительно, оба ошибаются: Наташа не ощущает внутреннего дискомфорта, вызываемого конфликтом идеи и натуры.

В биографическом исследовании Г. Кана, посвящённом Н. С. Климовой, даётся отрывок из её письма, где она говорит о том, что ей и другим террористам пришлось переступить через себя: «<...> Конечно, мы не могли не знать о могущих быть случайных жертвах ввиду того, что 12 августа был прием у министра. Хотя решение принести в жертву посторонних лиц далось нам после многих мучительных переживаний, однако, принимая во внимание все последствия преступной деятельности Столыпина, мы сочли это неизбежным» [Кан 2012]. В романе же такие «мучительные переживания» Наташе Калымовой не свойственны. Она не испытывает сомнений и колебаний, поэтому на первый взгляд представляется более сильной натурой, чем её товарищи. Однако *дело не в силе характера, а в мотивировке действий*: мотивы героини отличаются от тех, которыми руководствуются её сподвижники. С самого начала повествования автор акцентирует внимание на том, что Наташа стремится к ярким событиям, к риску, к смелому поступку. В борьбе революционеров с самодержавием её влечёт не справедливость и не желание осчастливить ближних, а сама по себе *красота борьбы, поэзия бунта*. Именно поэтому во время революции 1905 года она безоговорочно принимает сторону восставших и сразу же называет их «наши». Для неё «свой» тот, кто борется, в ком есть мятежный дух. Не случайно и Наташино увлечение нищезанятием: она «не расставалась с Заратустрой», это было характерно для многих террористов-эсеров, на мировоззрение которых работы Ницше оказали серьёзное влияние [Петухов 2006]. При этом привлекала Наташу, по утверждению автора, не сила мысли философа, а «поэзия его высокого озорства» [Осоргин. «Свидетель истории»]. Героине нужны полнота и радость жизни, она видит это в революции, в преступлении против законов общества и даже в добровольной гибели: она считает, что если человек по собственной инициативе выбирает, как и когда ему умереть, то он не жертвует собой, а выигрывает в жизненной игре, поскольку сам распоряжается своей судьбой. Свобода и яркость ощущение – вот что является истинной целью Наташи Калымовой. Осмысливая в конце романа «Свидетель истории» свой путь, она понимает, что её революционный настрой, борьба с жестокой властью за народ – это лишь внешняя сторона её деятельности, которая «принималась за несомненное» и другими, и, возможно, даже ей самой, но на самом деле

«она была увлечена не далекими мечтаниями о счастье человечества (какого такого человечества?) или о благе русского народа (она знала только крестьян деревни Федоровки!), а тоже игрой в жизнь и смерть, красотой очень уж неравной борьбы» [Осоргин. «Свидетель истории»].

Итак, в мотивировке действий Наташи Калымовой нет христианского начала. Возможно, поэтому она и не испытывает колебаний и страданий, свойственных героям (как Достоевского, так и Осоргина), в убеждениях которых воплощён утилитарный этический принцип, а потому для них гуманная цель оправдывает антигуманные средства. Утилитарная этика имеет точки соприкосновения и с христианством (в сфере целей), и с нищезанством (в сфере средств их достижения): целью является счастье ближних, но средства допускаются любые, вплоть до борьбы с теми же ближними, если они мешают достижению благой цели (подробнее см. в работе С. Л. Франка [Франк 1990]). Утилитарная мораль требует твёрдости воли и отсутствия сострадания. Этими нищезанскими чертами как раз обладает главная героиня М. Осоргина. Если в образах героев Достоевского (да и в образах таких персонажей Осоргина, как Олень или Бодрясин) христианское и нищезанское начала сосуществуют в причудливом единстве, представляют собой диалектически сложное, живое противоречие, то в образе Наташи Калымовой акцент явно смещён в сторону нищезанства.

Вероятно, именно поэтому вопрос о правомерности насилия для Наташи вообще лежит не в плоскости морали: «Какое же право? Тут не право, а закон природы. Без насилия нет живого. Ступишь шаг – и раздавишь букашку. И даже когда дышишь. Не по праву, а потому, что так мир устроен. Насилие естественно и необходимо» [Осоргин. «Свидетель истории»]. Когда Олень говорит о революционной борьбе с насилием за свободу, Наташа вносит кардинальную поправку: «Мы и боремся, но с чужим насилием и за свою свободу» [Осоргин. «Свидетель истории»]. В этом нищезанском самоутверждении Наташа, не верящая ни в какой социализм и правовое государство, ни в какое благо человечества, близка не к великому инквизитору или Раскольникову, а к Петруше Верховенскому, который тоже лишь использует идеи, близкие к социалистическим, но в минуту откровенности признаёт, что он «мошеник, а не социалист».

Мотив утешительной лжи является одним из самых значительных в утилитарной этической системе великого инквизитора. Герой поэмы Ивана Карамазова убеждён, основная масса людей не обладает достаточной духовной силой, чтобы следовать путём Христа. Поэтому он основывает своё государство на трёх искушениях, отвергнутых

Христом. Он знает, что большинство людей слишком ничтожны, чтобы выдержать все тяготы настоящей свободы, поэтому он основывает социальную систему своего государства на полном подчинении населения власти, фактически на рабстве. Но в то же время кардинал отлично понимает, что христианство и свобода – это настолько привлекательные для людей ценности, что их нельзя просто отвергнуть. И великий инквизитор находит выход: даёт людям иллюзию христианства (в виде обрядности) вместо подлинных христианских принципов и иллюзию свободы вместо подлинной свободы. Кроме того, великий инквизитор не верит в вечную жизнь, но ближних намерен «манить наградой небесною и вечною», чтобы они были спокойны и счастливы. Всё это утешительная ложь, направленная на поддержание того состояния «младенчески наивного счастья», в котором пребывает население государства.

Героиня М. Осоргина, которая, как и великий инквизитор, видит в ближних слабость, даже в лучших из них, тоже использует такой приём манипуляции сознанием. На этом психологическом приёме основан её диалог с Сеней и Петрусем, которые готовятся исполнить роль террористов-смертников. Оба сознательно на это идут, оба чисто рационально готовы к неминуемой гибели, но всё же эмоции прорываются сквозь маску бесстрастности, и Наташе понятно, что этим людям крайне тяжело. Поэтому она ведёт с ними философский разговор о том, что смерти как таковой не существует, а есть лишь «превращение», жизнь человека продолжается в природе — это, по сути, бессмертие. Сеня и Пертрус, которых в шутку зовут братьями Гракхами, верят в её слова, потому что она умеет убеждать, она красноречива и кажется очень искренней, хотя на самом деле лишь говорит то, что, по её мнению, необходимо этим людям, чтобы облегчить их путь. Тот факт, что Н. Климова, прототип героини, была материалисткой и не верила в вечную жизнь, подтверждается её «Письмом перед казнью»: «Ни в какие “будущие жизни” абсолютно не верю» [Климова] (автор романа был знаком с этим письмом и привёл некоторые выдержки из него в тексте произведения). В романе Наташа потом обсуждает свой недавний разговор со смертниками с Оленем: «Сегодня я рассказывала Гракхам сказку – ведь они словно дети, им это было нужно» [Осоргин. «Свидетель истории»]. Примечательно сравнение обычных, подверженных слабости людей с детьми, которое использует и великий инквизитор в своём монологе, называя жителей государства «счастливыми младенцами» [Достоевский 1976, т. 14: 236]. Для них он тоже создаёт иллюзию (в том числе и иллюзию бессмертия) и вынужден «обманывать их всю дорогу, <...> чтобы хоть в пути-то жалкие эти слеп-

цы считали себя счастливыми» [Достоевский 1976, т. 14: 238].

Один из главных вопросов, всегда занимавших Ф. М. Достоевского, – вопрос о соотношении теории и реальной жизни. Сюжеты романов «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» основаны на том, что логически выверенная теория терпит поражение в столкновении с иррациональными силами жизни, человеческой души. Раскольников не может пережить преступление, которое логически обосновал, а великий инквизитор не может казнить Пленника, хотя всем своим монологом доказывал необходимость такого шага. Рациональные построения оказываются бессильны там, где вступают в свои права законы человеческой природы.

Преемником этой идеи становится М. Осоргин, но в его романах она имеет свои нюансы, связанные с пантеистической философией писателя. В конце романа «Свидетель истории» Наташа, бежавшая из тюрьмы, разочаровывается в прежней деятельности, и этому способствует её пантеистическое мировосприятие, «началом духовного освобождения героини становится её погружение в природный мир» [Жлюдина 2010]. Героиня всегда обладала чувством природы, способностью наслаждаться красотой окружающего мира, но теперь эти эмоции в ней предельно обострились, и это повлияло на её жизненное credo. Наташа вдруг поняла, насколько мелка и поверхностна любая теория, любая политическая идея по сравнению с огромным миром природы, который живёт по своим законам и для которого человек – это лишь небольшая его составляющая. «И в первый раз с полной ясностью Наташа понимает, что ее молодость была погоней за ничтожным, незначимым и ненужным. Потому что все равно, какой человек подписывает листок бумаги в комнате большого города и что в этом листке написаны казенным канцелярским языком. И совсем неважно, о чем совещаются люди в обширной зале и кто кого берет за горло и швыряет в яму. И неважно это, и ненужно, и смешно. Можно закрыть глаза, лечь, спать день и ночь, дни и ночи, – а деревья будут так же мелькать, горизонты медленно меняться, вершины холмов и гор поворачиваться на оси и уходить за край оконного просвета. <...> Это и есть Россия, придуманное имя, не народ, не государство, а необъятное пространство лесов, степей, гор, долин, озер и рек. <...> И вот этот бескрайний край хотят осчастливить, обнеся его точными границами, назвав его государством, посадив над ним правителей, дав ему парламент...» [Осоргин. «Свидетель истории»]. Это Наташино восприятие бескрайнего, живущего своей жизнью простора, приводящее к отказу от прежних рациональных убеждений, вызывает ассоциацию с эпилогом к «Преступлению и наказанию», где Раскольников и Соня сидят на бе-

регу широкой и вольной реки, а вокруг них – первозданная природа, «как будто ещё не было Авраама и стад его», как будто не началась история человечества, со всеми её трагическими поворотами, с логическими теориями и иррациональными результатами. Эта картина великого природного мира у Достоевского тоже символизирует освобождение героя от плена рациональной идеи, когда «вместо диалектики наступила жизнь» [Достоевский 1973: 422].

Однако пантеистическая философская зарисовка в конце романа «Свидетель истории» – ещё не окончательная ступень духовной эволюции героини. Это этап на пути к буддистскому отказу от суетных желаний и эмоций, к нирване как воплощению полной и безграничной свободы. Эта концовка оставляет ощущение завершенности, поэтому продолжение диалогии – «Книга о концах» – практически не добавляет ничего нового к обрисовке характера Наташи: в этом произведении она, по сути, «плывёт по течению».

М. Осоргин изображает в своей диалогии сложную человеческую натуру, для которой нельзя подобрать однозначное определение. Наташа может отправить других на гибель, а может кинуться в бушующие волны спасать тонущего человека; она способна безоглядно броситься в стихию бунта, но способна и всей душой отдаться материнству; она оправдывает насилие, но не жалеет и себя.

В романе «Книга о концах» устами «свидетеля истории» – летописца о. Якова – автор даёт своеобразную эпитафию одному из героев, и эти слова можно отнести и к Наташе, и ко всем её сподвижникам, потому что здесь обрисованы их общие черты и общие мотивы действий. О. Яков представляет себя в роли защитника такого человека на Высшем Суде: он был «дерзостным ослушником заповеди “не убий”, правда, – не по злобе или корысти, а по гибельной своей идее отмщения за народные обиды» [Осоргин. «Книга о концах»]. И он заслуживает милосердия за бескорыстие и честность, за то, что «знал мало радостей», видел зло и не смирялся с ним. О. Яков просит «за придавленного тяжестью людских страданий и неразумного мстителя чужих обид» [Осоргин. «Книга о концах»].

Рассуждения «свидетеля истории» (пожалуй, самого близкого к автору персонажа) строятся так, что он признаёт нравственное преступление человека, участвовавшего в террористической деятельности, но, начав с этой фактической стороны поступка, заканчивает тем, что акцентирует внимание на мотиве действий и на личных качествах своего «подзащитного», и такой финальный пассаж говорит о том, что «чаша» милосердия перевешивает «чашу» осуждения. Подобный подход к оценке «идейного» преступника вновь возвращает нас к позиции

Ф. М. Достоевского, у которого Раскольников заслуживает «воскресения» к новой жизни, а великий инквизитор – великодушного поцелуя Пленника.

Стоит также вспомнить слова Достоевского по поводу суда над террористкой Верой Засулич: «Наказание этой девушки неуместно, излишне... Следовало бы выразить: иди, ты свободна, но не делай этого в другой раз...» [Носов 2006]. Можно сказать, что оценка М. Осоргина своих героев аналогична, в своих этических выводах из трагических страниц истории он следует за Достоевским.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеева О. Ю. Свидетель истории. Вехи жизни Михаила Осоргина // Осоргин М. А. Времена. Происшествия зеленого мира. М. : Интелвак, 2005. С. 351–390.

Бентам И. Принципы законодательства; О влиянии условий времени и места на законодательство; Руководство по политической экономии. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Боравская И. Б. Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе М. Осоргина 1920-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2007.

Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой половины XX века (И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин). Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001.

Гроссман Л. Достоевский. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/grossman_leonid/dostoevskiy.html (дата обращения: 15.07.2016).

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14–15.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 6.

Жлюдина А. В. Путь Наташи Калымовой в романе М. А. Осоргина «Свидетель истории» // Вестник ТГПУ. 2010. Вып. 8 (98). С. 110–114.

Кан Г. Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб. : Издательство имени Н. И. Новикова, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1371022195778> (дата обращения: 19.07.2016).

Климова Н. С. Письмо перед казнью. [Электронный ресурс]. URL: http://scepis.net/library/id_808.html (дата обращения: 21.07.2016).

Комина Р. В., Ласунский О. Г. Михаил Осоргин : страницы жизни и творчества. Пермь : Пермский ун-т, 1994.

Лапаева Н. Б. М. Осоргин и русская литература XIX века : параллели, реминисценции, элементы полемики // Короленковские чтения. 15-16 октября 1996 г. Глазов, 1996. С. 28-31.

Лапаева Н. Б. Художественный мир М. Осоргина : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Лифанова И. В. Художественная функция приёма театрализации в дилогии М. Осоргина «Свидетель истории», «Книга о концах» // Поэтика русской и зарубежной прозы : Тезисы докладов международной научной конференции. Южно-Сахалинск, 2001. С. 38-40.

Лобанова Г. И. «Маленький человек» в вихре истории : опыт анализа романов М. Осоргина 1920–1930 гг. Уфа, 2008.

Мужайлова Е. А. Достоевский и Осоргин : типология почвенничества. Уфа : Вагант, 2008.

Мужайлова Е. А. Два «игрока» русской литературы : Ф. М. Достоевского и М. А. Осоргина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2008/Philologia/25777.doc.htm (дата обращения: 15.07.2016).

Носов Ю. Еще раз о деле Засулич и либеральном обществе. Как благословили терроризм // Наука и жизнь. 2006. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/8334/> (дата обращения: 16.07.2016).

Осоргин М. А. «Книга о концах». [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/kniga_o_kontsah.html (дата обращения: 10.07.2016).

Осоргин М. А. «Свидетель истории». [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/svidetel_istorii.html (дата обращения: 10.07.2016).

Петухов В. Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск : УлГТУ, 2006.

Урвилов В. А. Поэтика композиции романов о революции 20-х гг. XX в. : «В тупике» В. В. Вересаева, «Сивцев Вражек» М. А. Осоргина, «Мирская чаша» М. М. Пришвина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ, 2010.

Фрадкина С. Я. На перекрестке традиций («Сивцев Вражек» Михаила Осоргина и традиции русской классики) // Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества. Пермь : Пермский ун-т. 1994. С. 13-21.

Франк С. Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Франк С. Л. Сочинения. М. : Правда, 1990. С. 6 – 65.

REFERENCES

Avdeeva O. Yu. Svidetel' istorii. Vekhi zhizni Mikhaila Osorgina // Osorgin M. A. Vremena. Proisshestviya zelenogo mira. M. : Intelvak, 2005. S. 351–390.

Bentam I. Printsipy zakonodatel'stva; O vliyaniy usloviy vremeni i mesta na zakonodatel'stvo; Rukovodstvo po politicheskoy ekonomii. 2-e izd. M. : LIBROKOM, 2012.

Boravskaya I. B. Voploshchenie naturfilosofskoy kontseptsii v khudozhestvennoy proze M. Osorgina 1920-kh godov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Mosk. gos. obl. un-t. M., 2007.

Bronskaya L. I. Kontsepsiya lichnosti v avtobiograficheskoy proze russkogo zarubezh'ya pervoy poloviny KhKh veka (I. S. Shmelev, B. K. Zaytsev, M. A. Osorgin). Stavropol' : Izd-vo SGU, 2001.

Grossman L. Dostoevskiy. [Elektronnyy resurs]. URL: http://royallib.com/book/grossman_leonid/dostoevskiy.html (data obrashcheniya: 15.07.2016).

Dostoevskiy F. M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskiy F. M. Sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka, 1976. T. 14–15.

Dostoevskiy F. M. Prestuplenie i nakazanie // Dostoevskiy F. M. Sobr. soch. : v 30 t. L. : Nauka, 1973. T. 6.

Zhlyudina A. V. Put' Natashi Kalymovoy v romane M. A. Osorgina «Svidetel' istorii» // Vestnik TGPU. 2010. Vyp. 8 (98). S. 110–114.

Kan G. Natal'ya Klimova. Zhizn' i bor'ba. SPb. : Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova, 2012. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1371022195778> (data obrashcheniya: 19.07.2016).

Klimova N. S. Pis'mo pered kazn'yu. [Elektronnyy resurs]. URL: http://sceptis.net/library/id_808.html (data obrashcheniya: 21.07.2016).

Komina R. V., Lasunskiy O. G. Mikhail Osorgin : stranitsy zhizni i tvorchestva. Perm' : Permskiy un-t, 1994.

Lapaeva N. B. M. Osorgin i russkaya literatura XIX veka : paralleli, reministsentsii, elementy polemiki // Korolenkovskie chteniya. 15-16 oktyabrya 1996 g. Glazov, 1996. S. 28-31.

Lapaeva N. B. Khudozhestvennyy mir M. Osorgina : dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 1998.

Lifanova I. V. Khudozhestvennaya funktsiya priema teatralizatsii v dilogii M. Osorgina «Svidetel' istorii», «Kniga o kantsakh» // Poetika russkoy i zarubezhnoy prozy : Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Yuzhno-Sakhalinsk, 2001. S. 38-40.

Lobanova G. I. «Malen'kiy chelovek» v vikhre istorii : opyt analiza romanov M. Osorgina 1920–1930 gg. Ufa, 2008.

Muzhaylova E. A. Dostoevskiy i Osorgin : tipologiya pochvennichestva. Ufa : Vagant, 2008.

Muzhaylova E. A. Dva «igroka» russkoy literatury : F. M. Dostoevskogo i M. A. Osorgina. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2008/Philologia/25777.doc.htm (data obrashcheniya: 15.07.2016).

Nosov Yu. Eshche raz o dele Zasluch i liberal'nom obshchestve. Kak blagoslovili terrorizm // Nauka i zhizn'. 2006. № 12. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/8334/> (data obrashcheniya: 16.07.2016).

Osorgin M. A. «Kniga o kantsakh». [Elektronnyy resurs]. URL: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/kniga_o_kantsah.html (data obrashcheniya: 10.07.2016).

Osorgin M. A. «Svidetel' istorii». [Elektronnyy resurs]. URL: http://royallib.com/book/osorgin_mihail/svidetel_istorii.html (data obrashcheniya: 10.07.2016).

Petukhov V. B. Serebryanyy vek russkoy kul'tury i terrorizm. Ul'yanovsk : UIGTU, 2006.

Urvilov V. A. Poetika kompozitsii romanov o revolyutsii 20-kh gg. XX v. : «V tupike» V. V. Veresaeva, «Sivtsev Vrazhek» M. A. Osorgina, «Mirskaya chasha» M. M. Prishvina : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Nizhniy Novgorod : Izd-vo NNGU, 2010.

Fradkina S. Ya. Na perekrestke traditsiy («Sivtsev Vrazhek» Mikhaila Osorgina i traditsii russkoy klassiki) // Mikhail Osorgin. Stranitsy zhizni i tvorchestva. Perm' : Permskiy un-t. 1994. S. 13-21.

Frank S. L. Fr. Nitshe i etika «lyubvi k dal'nemu» // Frank S. L. Sochineniya. M. : Pravda, 1990. S. 6 – 65.